

УДК 94(497.2)"15/19"

DOI: 10.25688/2076-9105.2019.36.4.07

С. А. Агуреев

Эволюция внешней политики Болгарии в отношении Российской империи после Сан-Стефанской конференции (1878–1885)

Статья посвящена аспектам формирования внешней политики Болгарии в отношении Российской империи в период 1878–1885 годов, когда внутри болгарской политической элиты происходила переоценка политической роли России в освобождении страны в 1878 году и возникали новые политические ориентиры, вступавшие в серьезные противоречия с российской внешней политикой на Балканах. Ориентация болгарской внешней политики на Австро-Венгрию в начале 1880-х годов и попытки лавировать между великими державами привели к возникновению кризиса во взаимоотношениях с Россией и падению князя Александра Баттенберга.

Ключевые слова: Болгария; Россия; внешняя политика; политический кризис 1885 года.

Освобождение балканских народов от турецкой зависимости после войны 1877–1878 годов было воспринято на Балканах и по всей Европе с огромным энтузиазмом, а русская армия приобрела статус армии-освободительницы, принесшей славянским народам долгожданную свободу. Однако эйфория от освобождения продлилась недолго, так как уже на Берлинском конгрессе 1878 года большинство положений Сан-Стефанской конференции были пересмотрены при участии великих держав. Территория исторической Болгарии уменьшилась в три с лишним раза, что привело к крушению замыслов болгарских патриотов о создании Великой Болгарии, которая ляжет крестом на четыре моря.

К отказу от защиты принципов Сан-Стефанского мира, как убедительно показала в своей работе И. С. Рыбаченок, российское внешнеполитическое ведомство побудили «неуверенность в своих силах, слабость надежд на поддержку Берлина и угрозы Лондона и Вены» [5: с. 154]. В этих условиях российский канцлер А. М. Горчаков пообещал, что русские войска не будут стремиться к занятию Константинополя и полуострова Галлиполи. Так, победа русского оружия в Русско-турецкой войне 1877–1878 годов завершилась дипломатическим поражением как для самой Российской империи, так и для большинства союзных ей стран.

Оказались нереализованными и идеи создания Румынского государства, фактически сохранившего, как и болгарские земли, вассальную зависимость

от Османской империи. Фактически невозможными к осуществлению после Берлинского конгресса 1878 года остались и мечты о создании независимой Сербии, имевшей выход к Адриатике, что в дальнейшем привело сербские политические круги к столкновению с Болгарским княжеством в надежде получить морское побережье. В этот период внешняя политика Сербии претерпевала значительные изменения, колеблясь от проавстрийской ориентации до поиска диалога с политическим истеблишментом Российской империи. Однако проавстрийская ориентация Сербии в целом сохранялась до 1903 года.

Особо острый характер получили сербско-болгарские территориальные противоречия, впоследствии приведшие к Сербско-болгарской войне 1885 года. Эта война стала катастрофой для Сербии, так как болгарские войска имели возможность взять Белград и Ниш, и лишь вмешательство великих держав, не заинтересованных в усилении Болгарии в регионе, прежде всего Австро-Венгрии, предотвратило крушение сербской государственности.

Образование сильной Болгарии, как отмечает И. С. Рыбаченок, «перехватывающей своими юго-западными границами доступ к Салоникам, получение Сербией и Черногорией (по условиям Сан-Стефано. — С. А.) территориальных приращений и выгодных стратегических позиций ставило барьер австрийской экспансии» [5: с. 153]. Следовательно, политика Австро-Венгрии была объективно направлена на то, чтобы не допустить создания в какой-либо форме сильного Балканского союза или конфедерации государств, способных оказать заметное влияние на происходящие на Балканах процессы.

Политика же России в отношении Болгарии руководствовалась стремлением упрочить собственные позиции на Балканах за счет усиления в стране прорусской партии. Этой цели служила и идея возведения на болгарский престол князя Александра Баттенберга, являвшегося племянником российской императрицы Марии Александровны. Однако уже в начале своего правления молодой князь показал себя сторонником сильной власти, умело лавируя между различными политическими группировками в стране. Особенно ярко проявились личные качества князя в борьбе с местными конституционалистами, выступавшими с требованиями ограничения личной власти монарха. Российский же император Александр II, фактически санкционировавший в Болгарии принятие демократической конституции, был вынужден наблюдать, как его ставленник ограничивает парламентские права и свободы своих граждан.

Возможность манипулировать общественным мнением и даже использовать отдельные противоречия в среде российских дипломатов и военных в Болгарии прокняжеской группировкой была вызвана некоторой аморфностью российской внешней политики в отношении Болгарии, отсутствием четкой цели, что активно использовалось самими болгарами. «Борьба мнений между военными и дипломатами, — отмечает российский историк В. И. Косик, — будет продолжаться годы и годы, польза же извлекалась самими болгарами, умевшими пользоваться такими “подарками” российской аморфности» [2: с. 192].

В этом смысле следует согласиться с автором, указавшим, что «только активная и тщательно продуманная политика могла сохранить Болгарию в русле русского влияния, любое проявление пассивности могло играть на руку Западу с его экономической мощью» [2: с. 197].

Помочь укреплению российского влияния могла бы активизация торгово-экономических связей двух стран, однако объем российской торговли был слишком невелик, а потому ведущим оставался политический фактор взаимоотношений двух стран. Главной целью болгарской политики по-прежнему оставалось создание Великой Болгарии в политических границах Сан-Стефано, что было невозможно без присоединения Восточной Румелии и разрешения македонского вопроса, получившего особую остроту после Берлинского конгресса 1878 года. Однако российские внешнеполитические круги осознавали невозможность реализации подобного варианта в условиях, когда позиции великих европейских держав были направлены против создания сильного болгарского государства.

Таким образом, политика князя Александра Баттенберга вызывала не только серьезную озабоченность в Петербурге, но и стремление сменить на престоле ставшего неудобным болгарского правителя. Фактически смена Баттенберга могла укрепить у власти партию русофилов и сделать политику Болгарии более согласованной с российскими внешнеполитическими интересами. Однако идеи военных о скорейшей смене власти в Болгарии не находили должного отклика у представителей российского внешнеполитического ведомства. Подобное положение сохранялось вплоть до Пловдивского восстания, вспыхнувшего в ночь с 5 на 6 сентября 1885 года и охватившего всю Восточную Румелию.

Это стихийное развитие событий привело к провозглашению независимости провинции и ее немедленному присоединению к Болгарии. В этих условиях Александр Баттенберг не решился выступить против начала объединения, рассчитывая на то, что политические представители Российской империи будут вынуждены признать свершившийся факт. Но такое понимание российской политики на Балканах шло вразрез с официальной линией Санкт-Петербурга, опасавшегося как турецкого вмешательства, так и позиции великих держав, тогда как любое обострение политической обстановки на Балканах не соответствовало интересам России.

Достаточно быстро последовала реакция российских внешнеполитических кругов на провозглашение воссоединения Восточной Румелии с Болгарией. В своей секретной телеграмме в Санкт-Петербург коллежский советник Емельянов доносил 6 сентября 1885 года из Бургаса: «Сегодня в Бургасе провозглашено соединение с Болгарией. Власти и народ встретили переворот с энтузиазмом. Толпа явилась к консулам, прося покровительства Держав, представители народа были у меня и заявили, что соединение состоялось по воле болгарского народа...» (АВПРИ. Ф. 430. Оп. 1. Д. 177. Л. 14). Вскоре последовали донесения российских дипломатов из других городов страны. Уже 8 сентября

1885 года в секретной телеграмме графа Толля из Копенгагена говорилось: «Император приказал отвечать Вам, что Его Величество не одобряет настоящего болгарского движения, и что поддерживать его мы не можем. Офицерам нашим следует воспретить принимать в этом движении участие...» (АВПРИ. Ф. 430. Оп. 1. Л. 33). Политика Александра Баттенберга привела к столкновению Болгарии с Сербией, ориентировавшейся на Австрию. Сербский король Милан 13 ноября 1885 года, после отказа политического руководства Болгарии от предоставления Сербии компенсации за присоединение Восточной Румелии, объявил о начале войны.

События военной кампании развивались стремительно, и уже 18 ноября 1885 года сербские войска потерпели тяжелое поражение у Сливницы, грозившее оккупацией болгарами Ниша. Лишь своевременное вмешательство в конфликт австрийской дипломатии предотвратило окончательное поражение Сербии [6: с. 52]. Подписанный 3 марта 1886 года в Бухаресте сербско-болгарский мирный договор ненадолго укрепил положение князя Александра Баттенберга на престоле. И все же следует отметить, что будущее болгарского престола решалось политическим руководством Российской империи, выступавшим за детронизацию (отречение. — С. А.) Александра. Даже поражение Сербии, не имевшей внутри страны серьезного российского влияния, уже не могло спасти болгарского князя от отречения.

Решающим фактором в организации переворота явилось понимание того, что с потерей помощи со стороны России Болгария останется один на один с Османской империей и поддерживавшими ее великими державами. Участь Александра Баттенберга оказалась предрешена. 9 августа 1886 года князь был вынужден под давлением армии подписать акт о своем отречении. «Его на личной яхте доставили по Дунаю... в город Рени в Бессарабии, — отмечал известный историк Балкан Н. Форбс. — По телеграфу из Петербурга пришло распоряжение в ответ на посланный запрос, что князю необходимо как можно быстрее отбыть в Европу и 26 августа он уже прибыл в Лемберг (немецкое название Львова. — С. А.). Но заговорщики, совершившие этот государственный переворот, обнаружили, что в стране их никто не поддерживает» [6: с. 53].

В дальнейшем российский император Александр III и российское внешнеполитическое ведомство в период его правления фактически отказались от каких-либо попыток оказывать влияние на происходящие в Болгарии процессы. «...Вне зависимости от эмоций, Александр III, — указывал российский историк О. Р. Айрапетов, — не желал принимать участие в кризисе, тем более что его дальнейшее развитие могло привести к новому обострению отношений с Турцией, Австро-Венгрией и Англией» [1: с. 97].

Опираясь на верные ему части, Стефан Стамболов, до этого входивший в правительство П. Каравелова, совершил контрпереворот, завершившийся возвращением князя Александра Баттенберга. Однако период «реставрации» оказался недолгим, так как российские политические круги дали совершенно

недвусмысленно понять, что в настоящих условиях возвращение князя является политически нецелесообразным. После второго отречения болгарского князя Стефан Стамболов возглавил Регентский совет (с 26 августа по 24 октября 1886 года и с 1 ноября по 2 августа 1887 года), в состав которого также входили такие болгарские политические деятели, как П. Каравелов и С. Муткуров.

Дипломатический разрыв с Болгарией был неминуем. Уже в начале ноября 1886 года состоялся отъезд российских дипломатов из страны. Российское влияние на этой территории было потеряно. Период после освобождения Болгарии русскими войсками характеризовался соперничеством русофилов и русофобов внутри страны. Русофилы, большинство из которых относилось к неославистам, поддерживали связь с русским либеральным движением и активно критиковали самодержавие, но при этом выступали сторонниками сближения с Россией.

В числе видных представителей пророссийской партии следует отметить профессора И. Д. Шишманова, выступавшего с идеями укрепления российско-болгарских политических и культурных связей [7: с: 63]. Особенно заметным было влияние русофилов в болгарской армии, сохранявшееся вплоть до 1887 года, когда на болгарский престол взошел король Фердинанд из династии Саксон-Кобургов. Их идейные противники, отличавшиеся русофобской направленностью своих статей, в основном критиковали Россию за навязывание определенных политических идеалов, стремление ограничить национальное движение в Болгарии и проводить более умеренную политику.

Однако представители этого направления общественной мысли в 1880-х годах еще не делали ставку на Германию и Австро-Венгрию, в большинстве своем отстаивали идеи национального развития путем воссоединения с Восточной Румелией и Македонией даже путем военной экспансии в отношении своих балканских соседей. Лишь с началом правления Фердинанда был отмечен всплеск политической русофобии, насаждавшейся на государственном уровне, чистками в армии, затронувшими офицерство, ориентировавшееся на Россию. Именно король Фердинанд в своей политике был нацелен на австрийское и немецкое руководство, противопоставляя его российскому.

Как отмечала исследователь Н. С. Киняпина, 1880–1890 годы «для правительств балканских стран были в отношении России переломными. Правительства Сербии, Болгарии, Румынии, изведав на собственном опыте экономический и политический гнет Запада и Турции, вновь признали авторитет России на Балканах...» [4: с. 53]. И хотя, как указывает Н. С. Киняпина, «правительство Александра III не разрабатывало в эти годы планов по территориальному захвату балканских земель, оно не оставляло попыток контроля над деятельностью балканских правительств, отказавшись, правда, от грубого вмешательства во внутренние дела балканских стран» [Там же].

Российская политика в отношении Болгарии исходила из казавшегося аксиомой постулата о зависимости страны от Российской империи, что проявлялось

в стремлении оказывать решающее влияние на внешнюю и внутреннюю политику страны. Однако политическая ситуация в Болгарии была такова, что сторонники Александра Баттенберга и националистические силы в лице Стефана Стамболова были не готовы идти в фарватере российской политики, ограждавшей страну от немедленного решения территориальных вопросов даже ценой экспансии в отношении балканских соседей. Отказ болгарских политических кругов от ведения осторожной политики, находившей понимание в Санкт-Петербурге, и послужил главной причиной политического разрыва.

Литература

1. *Айрапетов О. Р.* Россия между Болгарией и Сербией в 1885 г. Первая межславянская война Нового времени // Россия и славянский мир в войнах и конфликтах XIX–XXI вв.: сб. статей / отв. ред. А. Ю. Полунов. М.: Модест Колеров. 2018. С. 89–117.
2. *Косик В. И.* Из «семейной хроники славянства» // В «пороховом погребе» Европы. 1878–1914 / отв. ред. В. Н. Виноградов. М.: Индрик, 2003. С. 191–215.
3. *Киняпина Н. С.* Балканская конфедерация в планах военного министра России А. Д. Милютинина // Отечественная история. 1996. № 3. С. 150–154.
4. *Киняпина Н. С.* Болгария в балканской политике России (1886–1896 гг.) // Отечественная история. 1992. № 2. С. 43–55.
5. *Рыбаченок И. С.* Россия и Берлинский конгресс 1878 года // Новая и Новейшая история. 2018. № 3. С. 142–168.
6. *Форбс Н.* История Балкан. Болгария, Сербия, Греция, Румыния, Турция: от становления государства до Первой мировой войны. М.: Центрполиграф, 2018. 319 с.
7. *Хаджиниколов В.* Русофилы и русофобы в болгарской исторической литературе до Октябрьской революции // Etudes Historiques / Academie des sciences de Bulgarie. T. 4. Sofia: Institut d'Etudes Balkaniques, 1968. P. 55–81.

Literatura

1. *Ajrapetov O. R.* Rossiya mezhdru Bolgarije i Serbiej v 1885 g. Pervaya mezhslyavjanskaya vojna Novogo vremeni // Rossiya i slavyanskij mir v vojnah i konfliktax XIX–XXI vv.: sb. statej / отв. ред. А. Ю. Полунов. М.: Модест Колеров. 2018. С. 89–117.
2. *Kosik V. I.* Iz «semejnoj xroniki slavyanstva» // V «poroxovom pogrebe» Evropy`. 1878–1914 / отв. ред. V. N. Vinogradov. M.: Indrik, 2003. S. 191–215.
3. *Kinyapina N. S.* Balkanskaya konfederaciya v planax voennogo ministra Rossii A. D. Milyutina // Otechestvennaya istoriya. 1996. № 3. S. 150–154.
4. *Kinyapina N. S.* Bolgariya v balkanskoj politike Rossii (1886–1896 gg.) // Otechestvennaya istoriya. 1992. № 2. S. 43–55.
5. *Ry`bachenok I. S.* Rossiya i Berlinskij kongress 1878 goda // Novaya i Novejshaya istoriya. 2018. № 3. S. 142–168.
6. *Forbs N.* Istoriya Balkan. Bolgariya, Serbiya, Greciya, Romy`niya, Turciya: ot stanovleniya gosudarstva do Pervoj mirovoj vojny`. M.: Centrpoligraf, 2018. 319 s.
7. *Xadzhinikolov V.* Rusofily` i rusofoby` v bolgarskoj istoricheskoj literature do Oktyabr`skoj revoljucii // Etudes Historiques / Academie des sciences de Bulgarie. T. 4. Sofia: Institut d'Etudes Balkaniques, 1968. P. 55–81.

S. A. Agureev

**The Evolution of Bulgaria's Foreign Policy Towards the Russian Empire
after the San Stefano Conference (1878–1885)**

The article is devoted to the aspects of the formation of Bulgaria's foreign policy towards the Russian Empire in the period 1878–1885, when within the Bulgarian political elite there was a reassessment of Russia's political role in the liberation of the country in 1878 and there were new political guidelines that came into serious conflict with Russian foreign policy in the Balkans. The orientation of Bulgarian foreign policy towards Austria-Hungary in the early 1880s and attempts to maneuver between the great powers led to a crisis in relations with Russia and the fall of Prince Alexander Battenberg.

Keywords: Bulgaria; Russia; foreign policy; political crisis of 1885 year.